

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

БЕЛОЕ СТАНЕТ ЧЕРНЫМ

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов

АНТОН ГРАНОВСКИЙ
Белое станет черным

«ЭКСМО»

2011

Грановский А.

Белое станет черным / А. Грановский — «Эксмо»,
2011 — (Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов)

ISBN 978-5-699-77429-6

Что это за негативы? Неужели они так дорого стоят? Эти вопросы задавали себе журналистка Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов, идя по следу убийцы. Погибли уже два коллекционера – преступник охотится за непроявленными негативами знаменитого фотомастера начала XX века Александра Родченко, друга Владимира Маяковского... Расследуя это дело, Марго и отец Андрей пришли к выводу, что негативы как-то связаны с драматической историей взаимоотношений Маяковского и Лили Брик. Похоже, они скрывают какую-то тайну и могут стать настоящей сенсацией. Что же там запечатлено? И кто готов пойти на преступление, чтобы заполучить раритет?..

ISBN 978-5-699-77429-6

© Грановский А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Антон Грановский, Евгения Грановская

Белое станет черным

© Грановская Е., Грановский А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Египет, ноябрь 1891 года

Два молодых человека стояли возле лотка с восточными сладостями и отирали платками усы. Они только что попробовали по кусочку того, другого, третьего... Названия этих сладостей совершенно невозможно было запомнить. Причем ели по-арабски, руками, что привело обоих в восторг, и теперь переминались возле пыльной дороги, разглядывая саманные и каменные дома и проплывающие мимо повозки.

– Ну и пыль, – сказал один, зажимая платком нос. Он был повыше ростом, постройнее и с виду попроворнее своего спутника.

Некоторое время оба махали платками, пытаясь отогнать пыль от лиц, но с обочины не уходили. Уж очень любопытно было смотреть на непривычный пейзаж. Наконец, когда последняя повозка прогромыкала мимо и поднявшаяся за ней пыль слегка улеглась, тот, что повыше, повернулся к своему спутнику и насмешливо осведомился:

– Ну, кузен? Вы сыты?

– Да, Джорджи. Закуска была превосходная, – ответил второй, невысокий, коренастый, с глазами, подернутыми поволокой. – Хотя и весьма необычная.

– Это вы после скажете – хороша она или нет. Вот погодите, начнет вас пучить, тогда не так запоете!

Принц Георгий расхохотался. Цесаревич Николай задорно махнул на него платком, которым стряхивал пыль с котелка, прежде чем нахлобучить его на голову. Одеты оба молодых человека были в серые костюмы-тройки. Шелковые рубашки блистали белизной. Галстуки были повязаны небрежно, а Георгий еще и котелок носил слегка набекрень, как заправский гуляка.

Георгий пригладил холеным ногтем большого пальца пушистые усы (не такие, впрочем, пушистые, как у Николая) и со смехом поинтересовался:

– Ну, куда теперь?

– Я бы не прочь вздремнуть, – ответил Николай, позевывая.

– Полно вам, Ники. Вы прямо как почтенный господин Ону! Вокруг столько приключений, а вы спать! Знаете, куда я вас намерен отвести?

– Понятия не имею. Но уверен, что это что-то в высшей степени фrivольное.

– Угадали! Вы когда-нибудь слышали про египетских альмей?

– Это египетские танцовщицы?

– «Танцовщицы», – весело передразнил Георгий. – Вы просто дитя, Ники. Невиннейшее дитя! Альмеи – это здешние кокотки. Не верите – спросите Ухтомского, он вам подтвердит. – Георгий достал из жилетного кармашка золотые часы, откинул крышечку и, прищурив светлые глаза, глянул на циферблат. – Нас уже ждут, цесаревич. Только умоляю вас – никому! – Принц Георгий прижал палец к губам и насмешливо добавил: – Я желаю сохранить свою репутацию незапятнанной. Все ж таки греческий принц, а не какой-нибудь гвардейский поручик.

Он снова подмигнул Николаю, и оба расхохотались.

Два часа спустя кузены шли по пыльной дороге городка в слегка помятых уже костюмах, улыбаясь и икая от выпитого шампанского. Охрана, следуя строгому указанию, держалась от высочайших персон на расстоянии.

– Ну, каково? – спросил Георгий.

– Прекрасно. Эдакие фrivольные па! – Николай прищурил глаза, пригладил усы и улыбнулся – скромно и распушенно одновременно, как умел только он один.

Принц Георгий проделал руками несколько ритмичных движений и повернулся вокруг собственной оси, пародируя недавно виденный танец, затем покосился на русского цесаревича и сказал вкрадчиво:

– Я слышал, Николая, в Питере у вас есть одна балерина. Что, хороша?

– Настоящая красавица, – ответил Николай, снова приглаживая усы.

Георгий внимательно на него поглядел.

– Э, цесаревич... Да вы влюблены? Дайте угадаю. Батюшка специально вас в путешествие услали? Подальше от мадемуазель сердцеедки? Что ж, его можно понять. Балерины, это, знаете ли, штучки... Развлекаться с ними приятно, но влюбляться никак невозможно.

Николай поморщился.

– Что за фантазии, Джорджи, я вовсе в нее не влюблен. Вы же знаете, я душой и сердцем предан своей дорогой Алекс.

– Но ваше тело, Ники! Ваше тело! – Георгий изобразил руками неприличный жест и захохотал. – Кстати, Ники, – со смехом сказал он, – альмеи не единственное здешнее развлечение. Завтра я отведу вас к девицам, которые танцуют танец «оса»!

– «Оса»? Это что?

– А вот представьте: девушки крутятся на месте с криком «оса залетела!», «оса залетела!» и начинают срывать с себя одежду, пока не остаются голые.

– Совсем голые? – уточнил Николай.

– Совершеннейше! Ну, а когда на них совсем ничего не останется... – Тут принц Георгий замолчал и красноречиво облизнул алые губы.

Николай посмотрел на кузена насмешливым взглядом и заметил:

– Джорджи, вы самый большой развратник из всех, кого я знаю.

– Просто я кричу о своих похождениях на каждом углу. А вот вы, Ники, развратничаете тихо и скрытно. Этаким скромным развратник. Каково, а! Скромный развратник! Отныне я только так вас и буду называть!

Выдуманное прозвище привело Георгия в полный восторг, но Николаю оно не показалось таким уж забавным, и он нахмурился.

– Полно хмурить брови, Ники! О, глядите-ка!

Георгий остановился посреди улицы как вкопанный и уставился на деревянную вывеску, покрытую арабской вязью. Рядом с названием была наклеена картинка, изображающая красивую темноволосую женщину в профиль с прямоугольными карточками в руке.

– Что это? – спросил Николай без особого энтузиазма.

– А вы разве не помните? Ухтомский про нее давеча говорил. Это гадалка. Говорят, чертовски хорошая. Местные ее даже слегка побаиваются.

– Очередная восточная Кассандра, – лениво проговорил цесаревич Николай и зевнул. Восточные гадалыщицы интересовали его гораздо меньше, чем красавицы альмеи, танцующие в прозрачных платьях и откровенно заигрывающие с гостями. К тому же ему сильно захотелось холодного шампанского, чему способствовали сухая погода и густая египетская пыль, набивающаяся в рот и ноздри. – Шампанского бы сейчас, – тихо проговорил Николай.

– Погодите, Ники, будет вам шампанское. Вернемся в «лагерь», и я вас угощу. А сейчас давайте зайдем, страсть как люблю всяческие гадания! Как там у вашего поэта? «Не властны мы в своей судьбе...»

Николай хотел остановить кузена, но остановить греческого принца, если он что-то твердо решил, не в состоянии был бы даже эскадрон гусар. Николай пожал плечами и уныло поплелся следом.

– Интересно, она хотя бы красивая? – задумчиво проговорил Николай, прикрывая нос от пыли платочком.

– А как же! И в самом соку – лет девяносто, наверно!

Георгий остановился перед дверью, быстрым, ловким движением поправил галстук и котелок, подмигнул Николаю и несколько раз громыхнул кулаком по темным доскам. Затем, не дожидаясь ответа, толкнул дверь и вошел внутрь.

Внутри царил теплый полумрак, освещаемый тусклым светом потрескивающих свечей, которые в нестройном порядке теснились на каменных полках. Пахло какими-то благовониями вперемешку с жженой травой. Запах, впрочем, был приятный – мягкий, обволакивающий, успокаивающий.

Лишь когда глаза немного привыкли к темноте, молодые люди разглядели в глубине комнаты женщину. Она сидела за каменным столиком – по-европейски, на стуле. Худая, прямая как палка, с лицом, прикрытым черным полупрозрачным покрывалом. Обнажены были лишь кисти рук женщины, неподвижно, как два спящих белых зверька, лежавшие на каменной столешнице. Одета вешунья была в странное платье – не похожее на то, в каких щеголяли местные женщины, но и не европейского фасона. Скорее оно напоминало цыганское платье.

– Входите! – сказала вдруг женщина по-французски хриплым голосом. Акцент был сильнейший, но произнесено было, несомненно, по-французски.

Принцы переглянулись. До сего момента они даже не задумывались о том, на каком языке станут изъясняться с гадалкой, и вот проблема разрешилась сама собой.

– Ступайте, Ники, она вас зовет, – прошептал Георгий на ухо русскому цесаревичу, тихонько подталкивая его рукой в поясницу.

– Сами ступайте, – ответил тот, упираясь. – Я сюда за вами пришел.

– Вот как? Да разве вы не хотите узнать свою судьбу?

– Не более, чем вы.

– Ну так идите первым!

– Только после вас, Джорджи!

Молодые люди еще немного потолкались у двери, шикая друг на друга, хихикая и дурачась, как малые дети. Наконец греческий принц выступил вперед.

– Мадам! – начал он громким, задиристым голосом, но в этот момент где-то что-то стукнуло, и по комнате пронесся ледяной сквозняк, который дунул принцу прямо в лицо.

Георгий осекся на полуслове и машинально отступил на шаг. Обернувшись, он увидел, что Николай на него смотрит, усмехнулся и быстро взял себя в руки. На это раз принц заговорил гораздо тише и скромнее.

– Здравствуйте, мадам! Мы с моим другом пришли узнать, что готовит нам судьба. Это возможно?

Гадалка сделала рукой едва заметное движение и ответила глухим голосом:

– Возможно. Снимите шляпы и проходите к столу.

На этот раз ее французский прозвучал без малейшего акцента. Молодые люди торопливо стянули с голов котелки и двинулись к столу, по пути оглядывая каменные стены, на которых висели пучки трав и деревянные маленькие идола с темными ликами.

В шаге от стола они остановились и уставились на гадалку. Георгий пытался разглядеть лицо женщины, но, кроме мерцающих глаз, ничего не разглядел. Николай же смотрел на ее руки. Руки эти были замечательными – тонкие, белые, с длинными, изящными пальцами и ухоженными ногтями. Они могли принадлежать и двадцатилетней девушке, и сорокалетней женщине, которая тщательно следит за собой.

– Сядьте, – приказала гадалка все тем же глуховатым голосом.

Молодые люди послушно уселись на каменные табуреты. Некоторое время гадалка разглядывала их лица, затем сказала:

– Полагаю, у вас есть деньги, мсье? Мои услуги стоят дорого.

– Деньги у нас есть, – ответил за обоих Георгий и в подтверждение хлопнул себя по нагрудному карману, в котором лежал бумажник. – Мы заплатим любую цену, какую вы назначите.

– Даже если предсказание вам не понравится? – осведомилась гадалка, и приятелям показалось, что в голосе ее прозвучала насмешка.

– Мы заплатим в любом случае, – солидно ответил Георгий.

Гадалка, однако, смотрела не на него, а на Николая. Смотрела пристально и неотрывно, так, что цесаревич, никогда не отличавшийся особой храбростью, даже слегка поежился под ее взглядом.

– А вы? – спросила она, обращаясь к Николаю. – Вы, мсье, готовы заплатить?

– Я... Э-э... Разумеется, – ответил, стушевываясь, Николай.

– Готовы или нет, но вам придется это сделать, – резко сказала гадалка. – Дайте мне свою руку. Ну же!

Николай неуверенно протянул ей руку. Пальцы гадалки были холодными, а их касания почти невесомыми. Она стала разглядывать ладонь Николая, а сидящий рядом Георгий ткнул его под столом ногой в щиколотку и издал горлом тихий смешок. Николай тоже хотел усмехнуться в ответ, но не получилось. Он вдруг почувствовал, что от пальцев гадалки исходит лютый холод, и холод этот пробирается ему под кожу, охватывает ладонь и поднимается выше. Холод добрался до плеч и начал спускаться к груди, к сердцу...

Это ощущение длилось всего несколько секунд, но и их хватило, чтобы Николай пришел в ужас. Он хотел отдернуть руку, но рука словно онемела.

– Ну? – весело спросил между тем Георгий. – Вы что-нибудь разглядели в его ладони, мадам?

Гадалка качнула из стороны в сторону темной головой и вдруг зашептала – быстро и хрипло:

Вижу в тумане кровавую ночь,
Слуг и друзей, убегających прочь.
В муках кончается старый отец.
Старому миру приходит конец.
Ждет тебя, принц, незавидный удел.
Вижу ряды окровавленных тел.
Пуля династии нить оборвет.
Отпрысков красная плесень пожрет...

Николай тяжело задышал и вырвал руку. От резкого движения котелок свалился у него с колена и покатился по каменному полу, как отрубленная голова. Оба принца проследили за ним взглядами.

– Экая незадача, – дрогнувшим голосом проговорил Георгий, затем повернулся к гадалке и сердито спросил: – Что это вы гадаете, любезная? Какие такие тела?

Гадалка качнула головой, словно прогоняя сонную одурь, потом вдруг схватила руку Георгия и потянула к себе, но принц ее вырвал.

– Что вы делаете, мадам? – визгливо воскликнул он. – Какого черта!

– Кровь, кровь, кровь... – быстро шептала гадалка, раскачиваясь на стуле. – Купи трость... Купи трость... Бамбуковую трость...

Георгий вскочил с места, но теперь уже Николай схватил его за руку.

– Подождите, Джорджи, – сказал он. – Пусть она договорит.

– Если вам угодно слушать эту ахинею про трупы и трости, то... извольте – я сяду, – сказал Георгий и снова сел.

Гадалка между тем продолжала раскачиваться на своем стуле. Она опять забормотала, сначала тихо, но затем голос ее окреп и стал звучать все выше и выше, словно черпая силы из неведомого источника.

Вижу – в короне выходит злодей.
Тысячи вижу убитых людей.
Сквозь окровавленный сумрак и смрад
Трупов зловонных шагает парад...

Она вдруг сняла с пальца кольцо, снова схватила руку Николая, быстро вложила ему кольцо в ладонь и сжала его пальцы в кулак.

– Что это? – нервно проговорил Николай, отдергивая кулак.

– Спасет... – бормотала вещунья. – Спасет... При себе... Всегда... Это власть... Это сила...

Николай разжал пальцы и посмотрел на кольцо, потом опять – совершенно машинально – сжал пальцы в кулак.

Гадалка продолжала раскачиваться на месте, но теперь она бормотала на непонятном восточном языке – тихо и яростно.

– Ну все, – со злостью проговорил Георгий. – Это уже не смешно. Вы как хотите, Ники, а я ухожу!

Он встал со стула и, на ходу напяливая котелок, двинулся к двери.

– Подождите, я с вами! – крикнул ему вслед Николай и тоже сорвался с места.

Молодые люди в мгновение ока достигли двери и, не задерживаясь, выскочили на улицу.

* * *

Востоковед Ухтомский, которого Александр III снарядил в спутники своему нерадивому сыну, сидел развалившись в кресле и читал толстую книгу. Это был моложавый господин с подвижным лицом и черными пронзительными глазами. Он был невысок, но ладно скроен. Лицо востоковеда украшала шелковистая борода и усы, такие ухоженные, что просто загляденье. В тонких, сильных пальцах Ухтомский держал длинную пахучую сигарету, коробку которых он приобрел в лучшем здешнем магазине. На манжетах Ухтомского поблескивали запонки с изображением драконов, кусающих друг друга за хвосты.

Завидев цесаревича, востоковед положил книгу на восьмигранный столик с арабской вязью и поднялся с кресла.

Поздоровавшись с Ухтомским, Николай немедленно выпалил:

– Князь, а мы были у гадалки!

– Вот как? – произнес Ухтомский, оглядывая Николая с ног до головы.

– Да. Она приказала Джорджи купить трость, а мне подарила кольцо. Вот, посмотрите! Наверняка какая-то копеечная безделушка.

Цесаревич вынул из кармана пиджака кольцо и протянул его востоковеду.

– Хм, – сказал Ухтомский, чуть наморщив нос (он терпеть не мог запаха перегара, даже если тот исходил от представителя царствующей династии), затем взял кольцо и принялся внимательно его рассматривать.

Цесаревич уселся в кресло князя, взял со столика книгу, лениво скользнул взглядом по обложке, швырнул ее обратно на стол и уставился на Ухтомского.

Подвижное лицо Эспера Эсперовича Ухтомского словно оцепенело, черные глаза буравили камень.

– Ну? – поторопил его цесаревич. – Что вы об этом думаете, князь?

– Так-так, – задумчиво проговорил Ухтомский. – Интересно.

– Я думаю, это что-то вроде сувенира. Надо полагать, входит в стоимость гадания. – Тут Николай вспомнил, что за гадание они с Георгием не заплатили, покраснел, кашлянул в кулак и добавил: – Одним словом, подарок.

– Вот как, – сказал на это Ухтомский, рассматривая кольцо на свет.

– Что вы заладили «вот как», «вот как», – рассердился Николай. – Отдайте сюда кольцо. Нет, нет, лучше оставьте его себе! На что мне этот хлам.

– Видите ли, ваше высочество... – медленно заговорил Ухтомский, поворачиваясь к Николаю, – этот, как вы выразились, «хлам» может стоить многие тысячи рублей.

Брови Николая взлетели вверх.

– Что вы говорите? Не понимаю. Это же не бриллиант. Я разбираюсь в камнях.

– Это не бриллиант, – согласился Ухтомский. – Это небесный камень. Частичка метеорита. Я подобные встречал, но этот особый. – Он протянул кольцо цесаревичу. – Видите, на нем есть узор?

– Узор? Какой узор? – Николай схватил кольцо, повертел его в пальцах. – Ничего не вижу.

– Приглядитесь повнимательнее, – спокойно сказал Ухтомский, по опыту зная, что с пьяным цесаревичем нужно обращаться терпеливо и вежливо, чтобы не спровоцировать его на какой-нибудь злобный, мелкий поступок. – Нет-нет, наклоните камень влево... Вот так. Теперь видите?

Николай поднес кольцо к самым глазам.

– Вижу какие-то серебристые прожилки, – сказал он.

– Совершенно верно – прожилки. Будьте добры, обратите внимание на их рисунок.

Николай снова взгляделся в черный камень. Ухтомский смотрел на него пристально.

– Кажется, это крест... – неопределенно произнес цесаревич.

– Значит, вы тоже его видите, – сказал Ухтомский и облегченно кивнул, словно только что убедился, что не страдает расстройством зрения или, не дай бог, психики. Затем востоковед обхватил пальцами свой подбородок и глубоко задумался. – Этого не может быть... – тихо пробормотал он после паузы. – Просто не может быть.

– Чего не может быть? – вскинул на него голову Николай. – О чем вы говорите? Черт возьми, Ухтомский, зачем вы выражаетесь загадками?

– Видите ли, ваше высочество, – слегка смутившись от гнева цесаревича, заговорил князь, – на Востоке есть одна легенда. На заре человечества Аллах приказал людям построить храм – точную копию того храма, который находился когда-то в раю. Храм этот построили и назвали Кааба, находится он в Мекке.

– Зачем вы мне про это рассказываете? – недовольно спросил Николай, у которого от обилия незнакомых и мудреных слов начиналась мигрень.

– Я постараюсь короче, – мягко сказал Ухтомский. – Итак, когда храм был построен, понадобилось обозначить на стене место, с которого необходимо начинать ритуальное обхождение.

– Что-то вроде крестного хода?

– Что-то вроде этого, – кивнул Эспер Эсперович. – Ангел Джабраил, который руководил постройкой, принес людям черный камень, и строители вделали его в северо-восточный угол Каабы. Легенда гласит, что первоначально камень был белоснежного цвета, но потом потемнел из-за прикосновений грешников.

Николай посмотрел на кольцо, потер пальцем камешек, перевел взгляд на Ухтомского.

– И что же дальше?

– Мусульмане считают, что «черный камень» упал на землю с небес еще во времена Адама, – продолжил князь. – По преданию, это был ангел-хранитель, которого Аллах превратил в каменную глыбу за то, что тот плохо присматривал за Адамом.

Николай усмехнулся.

– Смотрите, Ухтомский, будете плохо за мной присматривать, папа тоже превратит вас во что-нибудь этакое!.. Ну, продолжайте, что же вы замолчали.

Ухтомский продолжил:

– Да, собственно, я добрался до главного. Ученые считают, что «черный камень» Каабы – метеорит. Небесное тело из тех, что время от времени падают на землю.

– Ну, а при чем тут кольцо? – спросил цесаревич.

– Видите ли, ваше высочество, миф гласит, что в древности за Каабой присматривало южноарабское племя джурхумитов...

– О-о... – простонал Николай, страдальчески закатывая глаза. – Вы меня уморить хотите, князь?

– Простите, что злоупотребляю вашим вниманием, но наберитесь терпения, ваше высочество, конец уже близок.

– Если вы о моем конце, то он действительно близок, – сострил Николай.

– Так вот, – продолжил князь тоном профессора, читающего лекцию. – Джурхумиты разрушили Каабу и разбили «черный камень». Пришедшие им на смену хузаиты...

Николай вздохнул и, повалив голову набок, высунул язык, изображая умершего.

– ...Хузаиты восстановили храм, – продолжал Ухтомский, не обращая внимания на гримасничанье цесаревича. – Самые маленькие осколки камня они огранили, оправили в перстни и вручили эти перстни своим жрецам. На каждом из таких камней просматривается очертание креста.

Николай слегка приподнялся.

– Как на моем? – с любопытством спросил он.

– Как на вашем, – кивнул Ухтомский. – Возможно, это умелая подделка. Хотя...

– Чушь! – скривился Николай. – Откуда взяться обломку священного камня у простой гадалки?

Ухтомский взял со столика портсигар и улыбнулся.

– Восток – дело тонкое, ваше высочество. Здесь еще и не такие чудеса случаются.

– Благодарю за мудрое изречение, – насмешливо проговорил Николай, глядя на то, как Ухтомский достает сигарету и постукивает ею о портсигар. – Вы еще в дневник его впишете, чтобы не забыть.

Ухтомский пожал плечами, словно говоря: «Что ж поделаешь, если это правда», и чиркнул спичкой, прикуривая сигарету. По комнате расплзлось сизое облако вонючего дыма.

Цесаревич помахал рукой, отгоняя дым от лица, затем снова посмотрел на кольцо. Надел его на палец, вновь снял. Взвесил на ладони. Посмотрел на князя и спросил:

– Так, значит, оно дорого стоит?

– Может быть, – ответил князь.

– Знаете, что я с ним сделаю, Ухтомский?

– Что?

– Верну этой ведьме!

Ухтомский посмотрел на цесаревича, приподняв брови. Он уже привык к неожиданным поворотам в характере и поступках наследника и все же был удивлен. Отдать такой камень!

– Так как, Эспер Эсперович? – снова заговорил Николай. – Одобряете вы мое решение?

Ухтомский тихо покачал головой и сказал:

– Вряд ли она возьмет его обратно, если это подарок. Я бы не советовал вам расставаться с этим кольцом.

– Почему? – По губам цесаревича пробежала усмешка. – Все из-за его «баснословной» стоимости?

– Не только, – спокойно ответил Ухтомский. – Кольцо власти – ваш оберег. Если вы с ним расстанетесь, может случиться несчастье.

– И тем не менее я верну, – упрямо проговорил Николай. – Не желаю оставаться в должниках. Тем более у какой-то египетской цыганки. Нужно к ней кого-то послать. Немедленно.

* * *

Гонец, молодой офицер из корпуса сопровождения, вернулся через полчаса. Цесаревич и принц Георгий в это время сидели в «кают-компании», как они прозвали гостиную в апартаментах Николая, и азартно играли в домино, чтобы скоротать время до темноты, когда они смогут выскользнуть из дома и отправиться смотреть танец-«осу».

Ухтомский был тут же. Князь не выходил на улицу по другой причине: дувший из пустыни ветер вызывал у него воспаление носоглотки, которого князь пытался избегать по предписанию врачей. Ухтомский сидел в кресле с книгой на коленях, шевелил страницами и курил свою длинную вонючую египетскую сигарету.

Войдя в «кают-компанию», молодой офицер щелкнул каблуками и громко сказал:

– Позвольте доложить, ваше высочество!

– Подождите, Андре, – остановил его цесаревич, вглядываясь в свои «костяшки». Несколько секунд он размышлял, затем сделал ход, громко стукнув «костяшкой» о стол, и торжественно объявил: – Рыба! С вас десять рублей золотом, кузен.

Принц Георгий с грохотом рассыпал свои «костяшки» и поморщился.

– Не моя игра, – сказал он. – Вот карты другое дело. А это...

– Отчего же, отличная игра, – возразил Николай, собирая домино в коробку. – И для ума, и для души. Просто вы никак не можете овладеть правилами, Джорджи. Если не овладеете – будете и дальше проигрывать.

Офицер все это время терпеливо ждал у двери. Наконец Николай соизволил к нему повернуться.

– Ну, Андре? Вы отдали кольцо гадалке?

Офицер состроил кислую мину и со вздохом сообщил:

– Увы, ваше высочество, не получилось.

– Как так «не получилось»? – удивился Николай.

– Гадалка не понимает французского, – еще печальнее ответил офицер. – Я ей и так, и сяк. Пришлось сходить за толмачом, но...

– Как это – не понимает? – снова спросил Николай, повышая голос. – Она прекрасно изъяснялась с нами по-французски. Двух часов не прошло! Как же она смогла позабыть?

– Ваше высочество, – заговорил со своего кресла Ухтомский, попыхивая египетской сигаретой, – может, это какой-нибудь розыгрыш? Я много изучал Восток, и уверяю вас, в Египте невозможно найти цыганку, которая знала бы французский язык. Я вам это еще давеча хотел сказать, но вы были взвинчены, и я не...

– Но она знала! – упрямо сказал, почти выкрикнул Николай. – Даже акцента не было! Джорджи, подтвердите!

Георгий, однако, молчал. Он был бледный и потный, а на лице у него появилось такое выражение, словно он что-то мучительно пытается вспомнить.

– Джорджи! – громко окликнул его Николай.

Георгий вздрогнул и поднял на цесаревича затуманенный взгляд.

– Вы же помните, как эта колдунья разговаривала с нами по-французски? – нервно спросил его Николай.

– Признаться... не совсем, – запинаясь, ответил Георгий. – У меня будто бы все в тумане. – Принц поднял руку и потер пальцами лоб. Внезапно ему в голову пришла догадка. –

Ники, это все шампанское, – быстро сказал он. – Точно – шампанское. Видимо, я перебрал лишку. Шампанское – вот в чем дело!

– Перебрал? Это с двух-то бутылок? – Николай скривился. – Не смешите меня! Вам, чтобы опьянеть, ведро шампанского нужно выпить.

Георгий раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но так и не сказал. Он был явно смущен и растерян.

Николай внимательно на него посмотрел и раздраженно проговорил:

– Вы что, совсем ничего не помните?

– Помню что-то про трость... – ответил Георгий, мучительно морща лоб.

– Ну вот! – кивнул, обрадовавшись, цесаревич. – «Купи трость» – вот как она вам сказала!

И почему-то непременно бамбуковую!

– Бамбуковую? – растерянно повторил Георгий. – Зачем мне бамбуковая?

– Откуда я знаю, почему бамбуковая? – произнес цесаревич голосом обиженного ребенка. – Сказала, и все. – Николай снова повернулся к офицеру. – Так смогли вы ей объяснить про кольцо?

– Толмач кое-как объяснил, – виновато доложил офицер. – Но кольцо она обратно не взяла. Сказала – не положено, грех. Что отдано, то отдано. – Офицер достал из кармана кольцо и протянул его цесаревичу. – Вот, ваше высочество. Гадалка велела беречь, потому что в нем...

– Что? – нетерпеливо спросил Николай. – Что в нем, Андре?

– Ваша сила и ваша власть, – ответил офицер. И пояснил, словно оправдываясь: – Так перевел толмач. Прикажете еще раз отнести?

– Нет, – ответил Николай. – Я знаю, что с ним делать.

Глава 1

Хорошая привычка – уносить трупы с собой

Москва, май 200... года

1

Вот и еще один год пролетел. Да так незаметно, что аж жутко делалось. Двадцать девятый день рождения. Двадцать девятый! Это же практически тридцать! Не успеешь оглянуться, и тридцать один стукнет – а это почти сорок. А там уже и старость подкрадется – одинокая, безотрадная, страшная, голая и морщинистая, как куриная нога. И никто не подаст тебе ни бокал «Порто», ни вазочку с оливками. Будешь лежать в постели, кутаясь в плед, тупо смотреть на входную дверь, которая не открывалась уже неделю, и думать: «Никому я не нужна. Никому...»

Может, хоть ребенка родить?

Марго отпила глоток «Порто» и скосила глаза на зеркало. Ей вдруг стало до слез себя жалко. Что это за жизнь такая проклятая... Скоро тридцать, а ни мужа, ни детей, ни загородного дома, одна только убитая двушка в Жулебино да старая «Мазда».

И ведь никто даже не поздравит. Телефон молчит со вчерашнего вечера. Не подруги, а свиньи. Да, кстати, а что такое с телефоном?

Марго протянула руку к сумочке, достала телефон. Ну, так и есть – тринадцать неотвеченных вызовов! Сигнал почему-то поставлен беззвучный. Кто его поставил? Поди знай.

«Наверно, я это сделала подсознательно, чтобы не слышать дурацких поздравлений, – решила Марго, снимая блокировку звука. – Тоже мне праздник – двадцать девять лет. Самое время в гроб ложиться да рогожкой прикрываться, а не праздновать».

Не успела Марго додумать до конца эту горькую мысль, как телефон запел соловьем, а экранчик дисплея, розово замерцав, сообщил: «Турук».

«Вот еще этот старый дурак, – с неудовольствием подумала Марго. – Опять будет претензии высказывать. Послать его к черту, и дело с концом». Однако не послала. Вместо этого покорно нажала на кнопку связи и приложила телефон к уху.

– Аллю.

– Марго? – раздался из трубки картавый голос редактора Турука. – Марго, это вы?

– Вы ошиблись, это Мэрилин Монро.

– Ага, а я уже подумал, что набрал не тот номер. У меня справочник в телефоне накрылся. Марго, что у нас со статьей в воскресный номер?

– Все отлично.

– То есть она готова?

– Нет.

– Как же так, Марго? Вы же обещали.

– Мне сегодня двадцать девять, – грустно сказала Марго.

– А мне пятьдесят, и что с того?

– Да, но мне двадцать девять.

Турук помолчал, потом ответил:

– Если вовремя сдадите статью, у вас появится шанс дожить до тридцати.

– Турук, я ведь вас никогда не подводила.

– Вы всегда балансируете на грани, Марго. И я начинаю уставать от вашей необязательности.

– А я не навязываюсь. Не хотите – как хотите. Прощайте.

– Подождите! Постойте, Марго! Не кладите трубку! Что за дурацкая привычка доводить все до крайности?

– Вы же сами только что сказали, что устали от меня.

– Я сказал, что «начинаю уставать». Но я согласен еще немного потерпеть. На мою беду, вы слишком хорошо пишете. Читатели вас любят, а я не могу спорить с читателями. Но и моему терпению может прийти конец. В пятницу, Марго. В пятницу статья должна быть в редакции. Иначе...

– Иначе что?

– Иначе я очень сильно расстроюсь. А у меня слабое сердце. Вы ведь не хотите стать виновницей моей смерти, Марго?

– Почему бы и нет?

– Я знал, что вы так ответите. Жду вас в пятницу с материалом. Да, и с днем рождения! Помните: двадцать девять – это еще не конец.

Марго усмехнулась.

– Я знаю. Это начало конца.

– Вы удивительно точно умеете формулировать. Всего доброго!

Турук отключил связь. Марго вздохнула и убрала телефон в сумку.

Итак, пятница. А сегодня у нас что? Вторник. В запасе еще три дня. Нужно срочно ехать в Ленинку, тем более что и книги уже заказаны.

Но Марго лишь достала из пачки еще одну сигарету и лениво вставила ее в рот. Куда спешить в двадцать девять лет? Надо наслаждаться каждым мгновением.

Пока журналистка прикуривала, бармен включил телевизор, и говорящая голова на экране меланхолично забубнила:

В 1890 году будущий император России Николай отплыл на крейсере «Память Азова» в кругосветное путешествие. Поговаривали, что Александр III отправил сына в «кругосветку» вовсе не в образовательных целях, а единственно затем, чтобы в двухгодичных странствиях цесаревич позабыл о своем увлечении балериной Матильдой Киесинской. Сопровождать цесаревича был приставлен известный востоковед князь Ухтомский...

«И все-таки Турук идиот, – думала Марго, пуская дым и равнодушно косясь на экран телевизора. – Если б не мои тексты, его газетка давно бы загнулась. Набрал двадцатилетних девочек... Безмозглых выпускниц «урюпинского» университета... Они ему понапишут. Такого профессионала, как я, он больше нигде не найдет. Это я еще такая лояльная. Кто-нибудь другой на моем месте давно бы уже плюнул. Прямо в его толстую физиономию!»

Марго вздохнула. Телевизор продолжал бубнить.

...В Греции к цесаревичу Николаю присоединился его кузен, греческий принц Георгий, человек жизнерадостный, спортивный и легкомысленный. Стараниями Георгия «образовательное» путешествие Николая превратилось в увеселительную поездку. Вместе кузены посетили Египет и Индию, где не только любовались достопримечательностями, но и отдали дань местной кухне и публичным домам.

В японском городе Отсу с высокородными путешественниками произошел неприятный инцидент. Цесаревич Николай и принц Георгий, возвращаясь с ужина, устроенного местным губернатором, захали в синтоистский храм. Молодые люди были под хмельком и ради развлечения стали стучать тростями по священным колокольчикам, приведя прихожан в настоящий шок. Вид перепуганных японцев лишь развеселил кузенов.

А когда царственные особы продолжили путь, случилось несчастье. Не успели гости отъехать от храма, как к коляске Николая подскочил японский полицейский и ударом сабли рассек на его голове котелок.

Второй удар поставил бы точку в жизни цесаревича, но принц Георгий пришел ему на помощь. Он отклонил удар сабли бамбуковой тростью, которую купил на импровизированной ярмарке у губернатора. Тут подоспели и рикиши. Они скрутили сумасшедшего полицейского, за что позже получили от российской казны премию по 2500 долларов каждый. Цесаревичу Николаю наложили на пострадавшую голову два шва, и путешествие по Японии продолжилось.

Полицейского Цуду Сандзе посадили в тюрьму. Кругосветное путешествие Николая, таким образом, было прервано, и цесаревич сухим путем через всю Сибирь возвратился в столицу России. Вот так простая бамбуковая трость спасла жизнь наследнику российского престола...

«Бедный Сандзе, – подумала Марго. – Не смог, что ли, ударить посильнее? И как таких слабаков в полицию берут?»

Она воткнула окурок в пепельницу. Бармен зевнул, взял пульт и переключил канал.

...Молодой лидер коммунистов Иван Старков, о котором еще полгода назад мало кто знал, заявил, что выставит свою кандидатуру на будущих президентских выборах. Народ пошел за ним. Пошел, когда узнал, что Иван Старков – правнук великого вождя...

Телефон снова забился в конвульсиях. Награждая Турука всеми мыслимыми и немыслимыми эпитетами, Марго полезла за трубкой в сумочку. Как ни странно, звонил вовсе не Турук.

– Ленская, привет! – услышала Марго голос одного из своих многочисленных «агентов-осведомителей».

– А, Гарик. Ты...

– Слушай и не перебивай! – Голос у Гарика был взволнованный, как у всякого мелочного жадины в предвкушении более-менее крупного куша. – Ты ведь готовишь статью о выставке Родченко в Доме фотографии?

– Готовлю.

– Отлично! – Гарик прямо захлебывался от восторга. – Так вот, Марго, у меня в руках милицейская сводка. Полчаса назад следственная бригада выехала на улицу «дяди Гиляя». Там нашли труп Рудольфа Павловича Шихтера!

– Рудольфа Ших... – Марго открыла рот. – Но ведь это же...

– Известный коллекционер старинных фотографий! – выпалил Гарик. И самодовольно добавил: – Видишь, золотце, я тоже смотрю телеканал «Культура». Как тебе такая новость?

Марго слотнула слюну.

– Не знаешь, кто выехал на убийство? – спросила она.

– Майор Синицын собственной персоной. Повезло, да? – Осведомитель захихикал.

– Слушай, Гарик, спасибо тебе огромное. С меня...

– Знаю, знаю. Но ты еще за прошлое дело не заплатила. Если и на этот раз меня кинешь, кредит закроется. Усекла?

– Не волнуйся, заплачу.

– Надеюсь. Кстати, если нет денег, я готов взять натурой. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

– Знаю.

– И что ты думаешь?

– Перебьешься.

Гарик расхохотался, и Марго отключила связь. По ее чистому, загорелому лбу забегали морщинки. Убит коллекционер старинных фотографий Рудольф Шихтер! И это в преддверии выставки, которая грозит стать главным культурным событием года. Сенсация! Как здорово все совпало.

Тут Марго одернула себя. Человек погиб, а ты радуешься. Разве так можно? Тем не менее настроение резко поползло вверх. Нужно срочно ехать, пока майор Сеницын на месте. Потом в квартиру ни под каким соусом не проберешься.

Марго залпом допила «Порто», швырнула на столик смятую купюру и решительно поднялась со стула.

2

У двери в квартиру теснились соседи. Продравшись сквозь толпу, Марго улыбнулась оперативнику в штатском (она его сразу вычислила – по строгой, скучной, недовольной физиономии) и сказала:

– Здравствуйте! Я Марго Ленская. Майор Сеницын меня ждет.

Оперативник окинул взглядом стройную фигуру журналистки, затем вяло произнес:

– А, Ленская. Проходите. Майор в гостиной.

Он распахнул перед Марго дверь, и журналистка проскользнула в квартиру. В прихожей она не задержалась, а прошла напрямик в гостиную. Двое молодых людей, стоящих у входа в комнату, посмотрели на нее без всякого удивления. Один из них кивнул Марго. Марго кивнула ему в ответ и прошла дальше.

Майор Сеницын сидел на диване и, склонившись над журнальным столиком, заполнял протокол осмотра места происшествия. Марго не видела его полгода. Со времени их последней встречи лысина и живот у майора стали еще обширнее, а в усах появились серебристые искорки седины. Под глазами красовались мешки, щеки обвисли, как паруса, в которые перестал дуть ветер. В общем и целом старик сильно сдал.

– Сеницын, здравствуй! – весело поприветствовала его Марго.

Майор вскинул голову и хмуро посмотрел на журналистку.

– Явилась не запыхалась. И откуда только вы, журналисты, обо всем узнаете?

– Носом чую, – пошутила Марго. – Ты же знаешь, какой у нас нюх на сенсации.

Майор прищурил тусклые глаза.

– А с чего ты решила, что тут какая-то сенсация? Может, это банальный труп без признаков насильственной смерти.

Марго присела на диван, заслонив майора от двух молодых оперативников. Шуршащая купюра с удивительной ловкостью и молниеносной быстротой перекинулась из ее пригоршни в карман пиджака Сеницына. Майор вздрогнул и посмотрел сначала на карман, потом на дверь, возле которой стояли оперативники, и уже в последнюю очередь на Марго.

– С ума сошла? – спросил он одними губами, возмущенно вытаращив глаза.

– Они не видят, – так же, одними губами, ответила Марго.

В гостиной царил настоящий бардак. Шкафы были выпотрошены, вещи – одежда, книги, сувениры – в беспорядке валялись на полу. Марго подняла с полу ближайшую книгу, машинально ее пролистала.

– Не трогай тут ничего, – строго сказал Сеницын. – Не хватало еще, чтобы ты уничтожила улики.

– Да какие там улики... – небрежно проговорила Марго и хотела закрыть книгу, но тут ее взгляд зацепился за чернильную надпись, сделанную на форзаце.

– Что ты там увидела? – насторожился майор.

– Ничего. – Марго закрыла книгу и швырнула ее на пол. – Майор, могу я взглянуть на труп?

– Можешь. Только фотоаппарат не доставай. Увижу – отберу.

– Как скажете, – улыбнулась Марго.

Синицын повернулся к одному из оперативников:

– Ваня, проводи прессу к трупу. Дай ей минуту на осмотр, а потом выпроводи из квартиры. Да, и проследи, чтоб она ничего там не фотографировала.

– Слушаюсь, – ответил оперативник и, сделав руку «колечком», насмешливо обратился к Марго: – Мадам Ленская, позвольте препроводить вас к трупу. Он уже заждался, прямо весь посинел от ожидания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.